

УДК 81.1

DOI: 10.17223/19986645/41/8

И.А. Якоба

**МОДУСНАЯ ОРИЕНТИРОВАННОСТЬ ПРИ ИНТЕРПРЕТАЦИИ
СОБЫТИЙ-АТТРАКТОРОВ МЕДИЙНОГО ДИСКУРСА
(НА ПРИМЕРЕ СИТУАЦИИ КРУШЕНИЯ САМОЛЕТА MH17
MALAYSIA AIRLINES)**

В статье представлен дискурсивный анализ примеров модализации дискурса, выявляющий лингвокогнитивные механизмы и языковые средства воздействия медийного дискурса. В качестве примера рассмотрена ситуация крушения рейса MH17 Malaysia Airlines (2014 г.). Деконструированы дискурсивные интерпретации западных СМИ и СМИ России по предложенной ситуации крушения самолета. Примеры показывают разнонаправленность модализации интерпретации ситуации в дискурсе конфликта. Выявлено преобладание использования модальных операторов, способствующих модусному конструированию действительности.

Ключевые слова: модусная ориентированность, модализация, событие-аттрактор, крушение рейса MH17 Malaysia Airlines, фокусирование, фреймирование.

Модусная ориентированность медийного дискурса фокусирует взгляд на мир, определяет смысл информирования, формирует ценностное содержание [1. С. 53]. Отбираемая для публикации фактуальная сторона сообщения определяется модусом установочного целеполагания (тем, что необходимо, возможно или желательно показать). Следовательно, в смысловой структуре медиатекста отражается не просто тот или иной фрагмент мира, но опыт его восприятия и осмысления, что позволяет «установить, с каким видением мира мы столкнулись в данном тексте, что и по какой причине привлекло внимание человека, какие именно фрагменты знания и оценок в нем закреплены и т.д.» [2. С. 78]. Транспонируя эти выводы на интенциональность автора-журналиста, Л.Р. Дускаева и Т.И. Краснова рассматривают «его речь (текст) как многослойное иерархическое образование, в котором взаимодействуют дескриптивная составляющая (тот или иной фрагмент действительности) и модусная составляющая, которая включает, в свою очередь, валюативную, определяющую общественную ценность дескриптивного содержания медиатекстов, и нормативно-побудительную, формируемую на основе определения ценности дескриптивного. Важно подчеркнуть при этом, что модусная ориентированность, которая фокусирует взгляд на мир, оказывается важнейшей в смысловой организации медиатекста, поскольку определяет смысл информирования, формируя специфическое ценностное содержание медиатекста» [1. С. 53].

Целью данной статьи является выявление модальных операторов и лежащих в их основе лингвокогнитивных механизмов дискурса в конструировании разнонаправленных интерпретаций на примере ситуации крушения рейса MH17 Malaysia Airlines (17.07.2014 г., Украина) в западных СМИ и в России. В этой связи целесообразно полагать, что в результате модализации дискурса

появляется возможность разнопланово интерпретировать и конструировать варианты последствий резонансных общественных событий, обсуждаемых мировой общественностью вопросов. Под модализацией понимается процесс передачи интенционального состояния, репрезентации своих убеждений, мотивов, оценок, стремление «заразить» ими адресата так, чтобы оно соответствовало желаниям говорящего. Таким образом, ситуация-аттрактор – крушение рейса MH17 Malaysia Airlines – рассматривается с позиции модализации СМИ России, США и Европы на основе новостных статей ведущих газет, имеющих «зеркала» в Интернете.

Модус рассматривается как «обозначение свойства предмета, присущего ему в некоторых состояниях, в отличие от атрибута» [3. С. 290]. «Модусы могут быть уподоблены «артериям», пронизывающим словесную ткань. <...> Выступая в своей прямой функции операторов, модусы являют свойства, признаки, состояния вещи, раскрывая её сущность в континууме многочисленных форм проявления» [4. С. 26]. И.Г. Ульянова выделяет модусы эмоций, мыслей, ассоциативные, открыто заявленные, различной тональности, различных форм и уровней оценки: одобрение, осуждение, признание, упрёк, поощрение, неприятие и т.д. [4. С. 27]. С помощью инструментов модусов, необходимых в процессе модализации, – модусных операторов реализуется гносеологическая и аксиологическая модализация. В целом категория модальности позиционируется как одна из наиболее «спорных, важных» (В.Г. Адмони, 1968), «многоплановых» (Г.А. Золотова, 1973) категорий лингвистики, выражающая отношение говорящего к совершаемому действию, трактовка его как действия реального или нереального, предполагаемого или потенциально возможного [5. С. 145].

В современном постмодернистском интерпретационном обществе, насыщенном зачастую неоднозначными медиасобытиями, непрерывно происходит борьба дискурсов за наделение их смыслом [6]. Каждое новое событие, особенно псевдособытие (целенаправленно сконструированное адресантом), открыто для множества интерпретаций, тем более если оно представляет собой событие-знак или событие-аттрактор. Событие-аттрактор понимается как структура дискурса, носитель доминантного смысла говорящего, способное по своему семиотическому потенциалу привлечь внимание и интерес адресата / интерпретатора и в этом качестве вызвать переориентацию процессов означивания, в том числе переосмысление адресатом референциальной ситуации в русле предъявляемой дискурсивной позиции [7].

Деконструкция множественности интерпретаций событий СМИ позволяет выявить некоторые лингвокогнитивные механизмы мышления и проследить направление интенциональности адресанта. Дискурс при описании событий предоставляет «репертуар интерпретации», которым и пользуются адресанты и адресаты в процессе толкования события-знака [7. С. 169]. Конструирование дискурса требует выстраивания взаимосвязей между событиями, локализованными в данной социальной, социально-политической сфере в текущий период, задействует совокупность наличествующих текстов СМИ и социальных медиа. По мнению Н.Д. Арутюновой, события образуют особую семантическую сферу, представляют собой «метаязыковые классификаторы с зыбкими границами» [9. С. 7]. В целом когнитивное восприятие событий об-

ладает сложной структурой, включающей локализацию события в определенную социальную и человеческую сферу и идентификацию этого события, отделение его от других и поиск взаимосвязи с другими событиями, локализованными в той же сфере. Процесс выявления эксплицитных и имплицитных взаимосвязей событий в той или иной жизненной сфере входит в поиск и конструирование смысла данного события [9. С. 177].

Представляется важным проследить проявление модусной ориентированности при конструировании и интерпретации событий. Согласимся с В.Е. Чернявской, что лингвистический, дискурсивный анализ способен создать особый ракурс рассмотрения проблемы, поставить в фокус внимания фундаментальный для гуманитарного знания вопрос о том, насколько реальность заменяется ее описанием [10. С. 182]. Среди наиболее употребительных средств модальности, воздействующих на восприятие, на наш взгляд, выделяются такие маркеры субъективно-оценочных состояний и отношений, модальные операторы, как эмоционально-оценочная лексика с экспрессивно-негативной коннотацией, конверсивы, дисфемизмы, различные усилительные и выделительные частицы, пояснительные и вводные слова, слова в переносном, или метафорическом значении, образные выражения, модальные глаголы, конструкции пропозициональной установки, вводно-модальные выражения, логическое ударение.

Итак, рассмотрим примеры, как происходит управление процессом интерпретации событийных новостей, распространяемые СМИ США, Европы и России, по вопросу крушения рейса MH17 Malaysia Airlines (17.07.2014 г.) в аспекте модусной ориентированности.

1. *"The Washington Post", USA: Before there is any further discussion of Malaysia Airlines Flight 17, it's important that one point be made absolutely clear: This plane crash is a result of the Russian invasion of eastern Ukraine, an operation deliberately designed to create legal, political and military chaos. Without this chaos, a surface-to-air missile would not have been fired at a passenger plane. If it has done nothing else, the crash of Flight 17 has just put an end to the "it's not a real war" fairy tale, both for the Russians and for the West. Tragically, this unconventional non-war war just killed 298 people, mostly Europeans. We can't pretend it isn't happening any longer or that it doesn't affect anyone outside of Donetsk. The Russians can't pretend either* [URL: http://www.washingtonpost.com/opinions/anne-applebaum-the-end-of-the-russian-fairy-tale/2014/07/18/3e42715a-0eab-11e4-b8e5-d0de80767fc2_story.html]. Использование таких модальных операторов, как модальные глаголы (англ. *would not have been fired, can't pretend*), конструкций пропозициональной установки (англ. *This plane crash is a result of the Russian invasion of eastern Ukraine*), вводно-модальных выражений (англ. *it's important that one point be made absolutely clear*), эмоционально-оценочной лексики с экспрессивно-негативной коннотацией (англ. *an operation deliberately designed*), конверсивов (англ. *this chaos, this unconventional non-war war*), дисфемизмов (англ. *"it's not a real war"*) и других маркеров субъективно-оценочных состояний и отношений, создает эмоционально нагруженный текст, настраивает адресата на определенное видение ситуации с позиции обвинения России в произошедшей трагедии, не дожидаясь официальных результатов экспертизы комиссии. Так, пресуппозиция

«вторжение» (англ. *invasion*) настраивает потенциального адресата на принятие как факта акта вторжения, которое было сконструировано адресантом и не соответствует реальному положению дел: *a result of the Russian invasion of eastern Ukraine*. В этом же предложении далее идет фрагмент, который является субъективным предположением, но логически и грамматически выстроен так, что некритически мыслящий адресат может воспринять как реальное последствие действий России по отношению к Украине, что тоже не соответствует действительности: *to create legal, political and military chaos*. В основе данного высказывания лежит лингвокогнитивный механизм *имажинеринг-драматизация*, способствующий созданию отрицательного имиджа, нагнетанию негативных эмоций по отношению к какому-либо факту, событию, человеку, коллективу, государству, народу и т.д. (выражается использованием интенсификаторов, увеличивающих экспрессивность [11. С. 272]. Использование сослагательного наклонения невыполненного условия в прошлом: *...Without this chaos...would not have been fired...* уже вводит лексему «chaos» в пресуппозицию и дополнительно негативно интенсифицирует отношение адресанта к действию объекта. Механизм единения используется для присоединения читателей к мнению журналистов, чтобы вывести пресуппозицию на место интенциональности высказывания, сместить акцент и уверить читателя, что он также подвергается опасности: *We can't pretend it isn't happening any longer or that it doesn't affect anyone outside of Donetsk*. Такая модальная нагрузка, наслоение различных лексико-грамматических и синтаксических средств в одном абзаце является манипулятивным приемом, способствует потере рационального контроля над информационным потоком некритически мыслящего адресата, переориентирует его видение ситуации, заставляет поверить в конструируемый сценарий конфликта, перефреймирует отношение к событию.

2. *"Euronews", France: A metal fragment found at the crash site of Malaysia Airlines flight MH17 appears to match a BUK missile. The new revelation from Dutch broadcaster RTL supports the theory that the plane was downed by pro-Russian rebels in eastern Ukraine. As part of RTL's investigation international defence and forensics experts testing the shrapnel concluded that it matched the explosive charge of the Russian-made BUK anti-aircraft missile. The Dutch safety board, which is also investigating the cause of the crash said that their probe was in full progress and focuses on many more sources than just the shrapnel. The downing of MH17 was a turning point in the conflict in Ukraine. Kyiv and its Western supporters blamed the separatists, leading to stiffer sanctions against rebel leaders and Moscow* [URL: <http://www.euronews.com/2015/03/19/dutch-media-claims-proof-mh17-downed-by-buk-missile/>]. Инфинитивный оборот к подлежащему в первом предложении рассматриваемого фрагмента сообщения, бессубъектно вводит предположение, выдаваемое за действительность: *appears to match a BUK missile*. В следующем предложении вводится новое предположение, основанное на какой-то, неизвестно кем выдвинутой, теории: *Dutch broadcaster RTL supports the theory*. Таким образом, следующее предположение уже свободно фигурирует в прошедшем времени и, вырванное из контекста, может восприняться как самостоятельное, самодостаточное утверждение: *the plane was downed by pro-*

Russian rebels. Само наименование жителей Донецкой области, защищающих свою родную землю, пророссийскими мятежниками, повстанцами (англ. *pro-Russian rebels*) объективно вызывает массу неоднозначных мнений и вопросов и может быть оспорено, но вводится завуалированно в предложение как пресуппозиция, имеющая право быть и считаться истиной. Конверсив «новое раскрытие, разоблачение» (англ. *the new revelation*) указывает на предвзятое негативно-окрашенное модализованное отношение к событию, принятие на веру той позиции, которая навязывается массмедиа. Косвенному указанию на вину России в данном происшествии способствует ссылка на мнение экспертов по поводу производства орудия, но не указывается, что оружие, произведенное в России и бывшем СССР, использовалось и используется во многих соседних странах, ранее входивших в СССР, в том числе и Украиной: *...experts testing the shrapnel concluded that it matched the explosive charge of the Russian-made BUK anti-aircraft missile*. Далее делается вывод, не подкрепленный логически, но эмоционально-оценочный, что это падение самолета стало причиной ухудшения, поворотной точкой (англ. *a turning point*) и без того конфликтной ситуации на Украине: *The downing of MH17 was a turning point in the conflict in Ukraine*. Последствиями также названы более жесткие санкции, примененные против повстанцев и Москвы: *Kyiv and its Western supporters blamed the separatists, leading to stiffer sanctions against rebel leaders and Moscow*. Необходимо заметить, что тех, кто поддерживает Киев в конфликте, называют сторонниками (англ. *supporters*), а противников – повстанцами, мятежниками (англ. *rebels*), что указывает на то, чью сторону принимают авторы статьи в частности и руководство газеты и страны в целом. Конверсивизация дискурса как прием, который позволяет расставить оценочные ударения, представить противоположную интерпретацию события, косвенно уточнив, кто «свои», а кто «чужие», дает представление о предпочтениях и модализации адресантов, проясняет отношение говорящего к содержанию высказывания. Происходит фреймирование ситуации, задействуется лингвокогнитивный механизм позиционирования, в котором оппозиция устанавливается по принципу: мы хорошие, они плохие. Акценты технологично расставляются, и адресантам не предлагается выбора точки зрения на событие, а предлагается следовать за адресантом, принимая готовые решения.

3. "РИА Новости", Москва: Минобороны РФ зафиксировало работу украинской РЛС в день крушения малайзийского самолета и вычислило населенные пункты Украины, откуда могли сбить лайнер, сообщила пресс-служба ведомства. Как уточнило ведомство, маршрут самолета и место его падения попадают в зону поражения двух украинских батарей зенитного ракетного комплекса большой дальности и трех батарей ЗРК средней дальности "Бук-М1". "Российскими радиотехническими средствами в течение 17 июля фиксировалась работа радиолокационной станции "Купол" батареи "Бук-М1", дислоцированной в районе населенного пункта Стыла (30 километров южнее Донецка)", — говорится в сообщении. "При этом технические особенности "Бук-М1" позволяют осуществлять обмен информацией о воздушных целях между батареями одного дивизиона. Таким образом, пуск ракет также мог быть осуществлен со всех батарей,

дислоцированных в населенном пункте Авдеевка (8 километров севернее Донецка) или Грузско-Зорянское (25 километров восточнее Донецка)", — указывает Минобороны России [URL: <http://ria.ru/world/20140718/1016541309.html>]. Третий фрагмент для анализа представляет иную точку зрения на событие. Адресант старается избегать негативной оценочности и субъективности, используя нейтральную лексику. Слова с экспрессивной и оценочной коннотацией не выявлены. Использование модальных глаголов для выражения предположения (*могли сбить, мог быть осуществлен*) позволяет предложить возможные варианты причин падения самолета без указания предположительных виновников. Лексико-синтаксические хеджи (*как уточнило ведомство, при этом*), ослабляют основной фокус фрагмента, который не называет однозначно возможную причину аварии, а только перечисляет варианты: (1) *Как уточнило ведомство, маршрут самолета и место его падения попадают в зону поражения двух украинских батарей.* (2) *"Российскими радиотехническими средствами в течение 17 июля фиксировалась работа радиолокационной станции.* (3) *При этом пуск ракет также мог быть осуществлен со всех батарей...* Использование страдательного залога в представленных выше предложениях обусловлено смещением фокуса внимания на объект, агенс отодвигается на второй план. Выводы, к которым приходит адресант, допускают множественность интерпретаций, конкретный виновник не называется до решения экспертной комиссии, оценочность сведена к нулю: *Таким образом, пуск ракет также мог быть осуществлен со всех батарей, дислоцированных в населенном пункте Авдеевка.*

В результате проведенного анализа выявлены неограниченные лингвистические возможности выражения модализации. Стремление адресанта передать заданное интенциональное состояние адресату возможно реализовать, используя определенные лексико-синтаксические, грамматические, стилистические конструкции, дискурсивные стратегии и лингвокогнитивные механизмы. Выявлено, что присутствующая в примерах модусная ориентированность фокусирует взгляд на мир с определенной позиции, формирует определенное ценностное содержание, определяет смысл сообщения, отправленного адресату. Модальные операторы позволяют управлять модусной ориентированностью адресатов, воздействуя на ценности через оценку и модализацию дискурса.

Литература

1. Дускаева Л.Р., Краснова Т.И. Интенциональность и модализация медиатекста в контексте культуры (опыт обобщения) // Политическая лингвистика. 2014. № 3. С. 51–58.
2. Кубрякова Е.С. О тексте и критериях его определения // Текст. Структура и семантика. М., 2001. Т. 1. С. 72–81.
3. Гурова Н.В. Модальность – языковая универсалия – охватывает всю ткань речи // Материалы V Междунар. конгресса «Мир на Северном Кавказе через языки, образование, культуру». Пятигорск, 2007. С. 11–13.
4. Ульянова И.Г. Модальность газетного дискурса: в рамках преподавания ПКРО на старших курсах. (Материалы доклада) // Университетские чтения-2012: материалы науч.-метод. чтений ПГЛУ. Пятигорск, 2012. С. 23–27.
5. Серебренников Б.А. Роль человеческого фактора в языке: Язык и мышление. М.: Наука, 1988. 242 с.

6. Якоба И.А., Лесниковская Е.В. Власть дискурса при интерпретации событий-аттракторов медийного пространства // Вестн. ИрГТУ. 2014. № 10. С. 352–359. URL: http://journals.istu.edu/vestnik_irgtu/?ru/journals/2014/10

7. Серебренникова Е.Ф. Многозначность в аспекте аттрактивности знака в коммуникации // Многозначность языковых единиц в когнитивном аспекте / отв. ред. Л.М. Ковалева; ред. С.Ю. Богданова, Т.И. Семенова. Иркутск: ИГЛУ, 2013. С. 158–168.

8. Филлипс Л., Йоргенсен М.В. Дискурс-анализ: Теория и метод / пер. с англ. Харьков: Гуманит. центр, 2004. 336 с.

9. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. М.: Наука, 1988. 341 с.

10. Чернявская В.Е., Молодыхенко Е.Н. История в дискурсе политики: лингвистический образ «своих» и «чужих». М.: ЛЕНАНД, 2014. 200 с.

11. Якоба И.А., Тимофеев С.С. К. Маркс как эффективный дискурсолог XX века: лингво-когнитивные механизмы «умной» настройки дискурса // Вестн. БГТУ им. Шухова. 2015. № 1 (январь). С. 270–274. URL: http://vestnik_rus.bstu.ru/arhiv

Источники примеров

1. *The Malaysia Airlines crash is the end of Russia's fairy tale* // The Washington Post [Электронный ресурс]. URL: http://www.washingtonpost.com/opinions/anne-applebaum-the-end-of-the-russian-fairy-tale/2014/07/18/3e42715a-0eab-11e4-b8e5-d0de80767fc2_story.html

2. *Dutch media claims proof MH17 downed by BUK missile* // Euronews [Электронный ресурс]. URL: <http://www.euronews.com/2015/03/19/dutch-media-claims-proof-mh17-downed-by-buk-missile/>

3. *Минобороны РФ вычислило, откуда могли сбить Boeing 777* // РИА Новости [Электронный ресурс]. URL: <http://ria.ru/world/20140718/1016541309.html>

MODUS ORIENTATION IN CASES OF INTERPRETATION OF MEDIA DISCOURSE EVENTS-ATTRACTORS (A CASE STUDY OF MALAYSIA AIRLINES FLIGHT MH17 CRASH)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2016. 3 (41). 88–95. DOI: 10.17223/19986645/41/8

Iakoba Irina A., Irkutsk State Technical University (Irkutsk, Russian Federation). E-mail: irina_yakoba@mail.ru

Keywords: modus orientation, modalisation, event-attractor, crash of Flight MH17 Malaysia Airlines, focusing, framing.

The paper presents discourse analysis of discourse modalization examples revealing linguo-cognitive mechanisms and other language means of impact in the media discourse. It is advisable to assume that the ability to diversely interpret and construct alternative consequences of prominent public events, issues discussed by the world community is based on the discourse modalization. This phenomenon is understood as a process of intentional state transference, representation of the beliefs, motives, evaluations, aspiration for “infecting” the addressee so as corresponding with the wishes of the speaker. The research of the discourse modalization reveals hidden, but important factors of the media discourse realization in order to manage the process of interpreting the statements by the recipient. As an example, a situation of the crash of Malaysia Airlines Flight MH17 (2014) is analyzed. The discourse interpretations of the Western and Russian media on the proposed situation are deconstructed. For the analysis of the media discourse fragments from the modalization position, the discourse interpretations of the event based on news reports of the leading newspapers of Russia, the USA and Europe posted in the Internet are deconstructed. The examples show the different directions of the situation interpretation modalization in the discourse of conflict, the prevalence of the use of modal operators contributing to the modus reality construction. The emotionally loaded text creation, a certain vision of the situation setting of the addressee become possible due to the use of modal operators such as modal verbs, propositional attitude constructions, parenthetical-modal expressions, emotional and evaluative vocabulary with expressive negative connotation, conversives, dysphemism and other markers of subjectively evaluated conditions and relations. Modal load intensification of the text, mix of various lexical, grammatical and syntactical means are manipulative techniques that contribute to the loss of a rational control over the information flow of uncritically thinking addressees,

redirect their vision of the situation, force to believe in the constructed scenario of the conflict, reframe the attitude to the event. Thus, when framing the situation the linguo-cognitive mechanism of positioning is activated. The opposition is established on the principle that “we are good, they are bad”. The emphasis is placed technologically, and no choice of viewpoints on the event is offered to addressees, but they are invited to follow the addresser, accepting ready-made solutions. The mechanism of imagining-dramatization, expressed by the using of intensifiers that increase expressiveness, helps to create a negative image, aggravating negative emotions to a fact, event, person, team, state, people, etc. It was found in the examples that the modus orientation focuses on the world from a certain position, generates a certain value content, determines the meaning of a message sent to the addressee. Consequently, modal operators help control the modus orientation of addressees, affecting the values through evaluation and discourse modalization.

References

1. Duskaeva, L.R. & Krasnova, T.I. (2014) Intentionality and moralization of mediatext in the context of culture (the experience of the generalization). *Politicheskaya lingvistika – Political Linguistics*. 3. pp. 51–58. (In Russian).
2. Kubryakova, E.S. (2001) O tekste i kriteriyakh ego opredeleniya [About text and criteria for its definition]. In: Dibrova, E.I. (ed.) *Tekst. Struktura i semantika* [Text. The structure and semantics]. Vol. 1. Moscow: SportAkademPress.
3. Gurova, N.V. (2007) [Modality – a linguistic universal – covers the entire fabric of speech]. *Mir na Severnom Kavkaze cherez yazyki, obrazovanie, kul'turu* [World of the North Caucasus through languages, education and culture]. Proceedings of the V International Congress. Pyatigorsk: Pyatigorsk State Linguistic University. pp. 11–13. (In Russian).
4. Ul'yanova, I.G. (2012) [Modality of newspaper discourse: in the framework of teaching speech to senior undergraduates]. *Universitetskie chteniya–2012* [University Readings–2012]. Pyatigorsk: Pyatigorsk State Linguistic University. pp. 23–27. (In Russian).
5. Serebrennikov, B.A. (1988) *Rol' chelovecheskogo faktora v yazyke: Yazyk i myshlenie* [The role of the human factor in language: Language and thought]. Moscow: Nauka.
6. Iakoba, I.A. & Lesnikovskaya, E.V. (2014) Discourse power in media space events-attractors interpretation. *Vestnik IrGTU – Bulletin of Irkutsk State Technical University*. 10. pp. 352–359. [Online]. Available from: http://journals.istu.edu/vestnik_irgtu/?ru/journals/2014/10. (In Russian).
7. Serebrennikova, E.F. (2013) *Mnogoznachnost' v aspekte attraktivnosti znaka v kommunikatsii* [Ambiguity in the aspect of the sign attractiveness in communication]. In: Kovaleva, L.M. (ed.) *Mnogoznachnost' yazykovykh edinit v kognitivnom aspekte* [The ambiguity of language units in the cognitive aspect]. Irkutsk: Irkutsk State Linguistic University.
8. Jorgensen, M.V. & Phillips, L.J. (2008) *Diskurs-analiz. Teoriya i metod* [Discourse analysis. Theory and Method]. Translated from English by A.A. Kiseleva. Kharkov: Gumanitarnyy tsentr.
9. Arutyunova, N.D. (1988) *Tipy yazykovykh znacheniy: Otsenka. Sobytie. Fakt* [Types of linguistic meanings: Evaluation. Event. Fact]. Moscow: Nauka.
10. Chernyavskaya, V.E. & Molodychenko, E.N. (2014) *Istoriya v diskurse politiki: lingvisticheskiy obraz “svoikh” i “chuzhikh”* [History in political discourse: linguistic image of “us” and “them”]. Moscow: LENAND.
11. Iakoba, I.A. & Timofeev, S.S. (2015) K. Marx as an effective discourse analyst of XX century: Linguo-cognitive mechanisms of smart discourse tuning. *Vestnik BGTU im. Shukhova*. 1. pp. 270–274. [Online]. Available from: http://vestnik_rus.bstu.ru/arhiv. (In Russian).